

ДАЛЁКОЕ — БЛИЗКОЕ

ВИКТОР ЛАВРОВ

ДЕРЕВНЯ МОЕЙ ПАМЯТИ

*«Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...»*

Ф. И. Тютчев

Получается, что и я «блажен», так как за свою жизнь видел немало «роковых минут» — всевозможных социальных и личных передряг и потрясений. Мне довелось застать коллективизацию сельского хозяйства, раскулачивание крестьян, репрессии 30-х годов, участвовать в Великой Отечественной войне, быть свидетелем культа личности Сталина, наблюдать развал могучей коммунистической партии, членом которой я был 42 года, страдать по поводу распада невиданной в истории империи под названием СССР. Прожита длинная и насыщенная жизнь, и всё наше поколение, та его часть, которая ещё уцелела, стало мудрым.

Лично я также многому научился, «поднахватался верхушек», но по-настоящему хорошо постиг лишь три вещи:

- а) жизнь русской деревни 1930-х — 1940-х годов;
- б) солдатчину;
- в) женщин (шутка).

По этим трём разделам могу разговаривать, спорить, быть консультантом на любом уровне и не допускаю даже мысли, что кто-нибудь может быть более компетентным, чем я.

Солдатчина и женщины настолько полно и всесторонне отражены в литературе, драматургии, кино, живописи и т. д., что мне туда лезть не приходится. А вот деревня, в особенности старая деревня 30-х — 40-х годов, всё более предаётся забвению, разваливается, умирает даже физически. А между тем, это такой огромный пласт, такая благодатная целина, такой кладезь для всех видов искусства, для краеведов-исследователей, для историков, лингвистов и т. д., наконец, такая нравственная пища для заскорузлых, истерзанных сердец и душ современных людей, что этой темы переоценить невозможно.

Вот я и решил попытаться написать этакий рассказ-воспоминание о русском селе 30-х — 40-х годов, по мере сил показать беды и радости крестьян той поры, их быт, труд, отдых, язык, уклад жизни и т. д.

Вероятно, мне не обойтись без того, чтобы как-то не увязать свой рассказ с моей биографией и с подлинными фамилиями отдельных персонажей. Но все мы будем в тени, на втором плане. А на переднем — наш великий, могучий, многострадальный русский народ.

Сам себе даю твёрдое слово — писать только правду, ни слова вымысла.

Заранее знаю, что эта моя работа доставит мне не только муки, но и радость. Даже в том случае, если её никто и читать не будет.

I

Каждая деревня или село расположено, как правило, на живописном участке местности, рядом с большой или маленькой речкой, имеет где-нибудь на опушке одну-две ветряных мельницы, общественные амбары для хранения зерна, называемые почему-то «магазеями», кузницу с неизменными атрибутами в виде горна, наковальни, кучи древесного угля, станка для ковки лошадей, готовой продукции.

Места у нас роскошные, сказочно красивые (речь идёт о Нижнем Прикамье) — необозримые поля, дремучие леса, пересечённая овражистая местность. Резко континентальный здоровый климат. Славятся наши места и знаменитыми людьми, родившимися или проживавшими у нас долгие годы. Это, к примеру, кавалерист-девица Н. А. Дурова, великий художник И. И. Шишкин, воспевший красоту нашей прикамской природы, великий учёный-невролог В. М. Бехтерев, маршал Л. А. Говоров. В Гражданскую войну в наших местах сражался будущий маршал В. И. Чуйков (кстати, он был ранен около моего родного села Лекарева). Совсем недалеко от нас, в Казани, родился великий Шаляпин, а чуть подальше, в Симбирске, ещё более великий Ленин.

Почти в каждом большом и даже среднем селе есть школа, какой-нибудь магазин и церковь. Она (церковь) стоит наверняка на самом удачном и красивом месте, окружена хорошей, добротной металлической или деревянной оградой, деревьями и ухоженным кустарником.

Дома — деревянные, зачастую покосившиеся от старости, крытые соломой, редко тёсом и ещё реже железом. Надворные постройки тоже довольно ветхие — возле дома два-три хлева, сарай с сеновалом, во дворе колодец, колода для пойки скота. У зажиточных хозяев — дворы «крытые», т. е. защищены от снега и непогоды своеобразными стенами из снопов соломы. У этих хозяев есть овины, а у некоторых риги — для хранения и обработки зерна. На задах дома — огород, большой, площадью 30-40 соток, у многих — яблоневые и смородиновые сады, у некоторых хозяев имеются пчелиные пасеки, до 15-20 ульев. В этих случаях в огороде, где-нибудь возле речки, есть омшаник, куда на зиму ставятся ульи с пчёлами. В таком омшанике хорошо отдыхать летом в жару.

В редком хозяйстве нет бани. Она стоит где-нибудь на берегу речки, в зарослях смородины и ивняка. В предбаннике висят заготовленные веники. Для мытья головы готовится из золы так называемый щёлок. В бане пахнет мылом, сыростью, берёзой, щёлоком, каким-то своеобразным, ни с чем не сравнимым банным уютом. В такой бане приятно мыться в пасмурный осенний денёк — не торопясь, с веничком, с лежанием на полке. Каменка красна от жару, плеснёшь на неё ковш воды — пар клубами с шипением поднимается вверх. От жары выскакиваешь в предбанник, оттуда — в речку и снова туда, где жар и пар. После бани — чай, квас, иногда распивается чекушка.

Народ живёт трудно, много работает, не знает никаких излишеств ни в быту, ни в еде, рассчитывает каждый поступок, каждое дело, каждый рубль. В садах — только яблони и чёрная смородина, других фруктов нет — выращивать их невыгодно. Никто не выращивает, к примеру, редиску, клубнику, цветы и другую «дребедень». Львиную долю в посевах на личных участках занимает картошка. Её собирают много, вероятно, до одной тонны, а иногда и больше. Картошка — основной продукт питания как людей, так и скотины.

К обязательным для каждого села постройкам относятся также правление колхоза и сельский совет. Когда думаю о них, то первым делом вспоминаю, до какой степени они прокурены. Вдоль стен сидят на «кукырках» мужики и смолят весь вечер, почти не переставая, самосад, так что не только в углах, но и во всей комнате синё, дым такой едкий и вонючий, что хочется как можно скорее из этой душегубки выскочить. В этой связи вспоминается, что прямо в здании сельсовета, в маленьком, отгороженном от общего помещения чуланчике, постоянно жили сторож Никита Степанович Алексеев с болезненным и хромым мальчиком — сыном Алёшей. Уму непостижимо, как мальчишка выживал в такой атмосфере. Правда, он рано и умер.

* * *

Помню себя лет пяти. Мы живём в деревне прямо в здании школы, в котором отведено место для квартиры учителя. Зима. Трещат морозы, в замёрзшие окна видны занесённые снегом избы, закуржавевшие деревья, бесконечные белые поля. Вдали — тёмный лес. В ясные солнечные дни я гуляю недалеко от школы. Ближе к весне на домах, и в особенности на банях, висят огромные, сверкающие хрусталём, сосульки. Безжалостно ломаю их, использую как ружья. В масленицу на улицах жгут огромные костры, ребятишки бегают и прыгают возле них, катаются с гор на санках, на лыжах. Взрослые разъезжают на лошадях, запряжённых в лёгкие сани, называемые кошёвками. Раздаются песни-частушки, гармошка, звон конской сбруи (колокольчиков, шуркунчиков). Повизгивают девки, матерятся парни. Именно тогда, в раннем детстве, я наблюдал интересный обычай: на снег брошено сено, на нём лежат по-зимнему одетые девки, а на них — парни. Лежат парами, близко пара от пары, лузгают семечки, о чем-то беседуют, смеются, шупаются, балуются. Этот обычай был присущ лишь одному празднику, возможно, масленице.

Бывали случаи, когда из-за холода парни водили девок в бани. Об этом утром из-за следов на снегу становилось известно бабам. Утром они многозначительно говорили соседкам: «А наш-то Ванька опять Ньюрку в баню водил...»

Были зимы, когда снегу наметало очень и очень много, до двух метров и выше. Ближе к весне, когда он затвердевал и образовывал наст, под этим снегом во дворе школы детвора рыла ходы, целые улицы и переулки, и ходить по ним было очень интересно и забавно. Сколькo было шуму, крику, смеха. Тут и снежные бабы, и игра в снежки, и лыжи, и борьба, и бегодня.

И вот наступала весна, яркая, радостная. Боже мой, сколько было воды! Сначала она появлялась под снегом, потом образовывались ручьи, они с шумом сбегали в речку, протекавшую посередине села и делившую его на две части. Речка взбухла, превращалась в большую, шумную и грозную реку, сносила мост, так что многие ученики с «того берега» на период половодья оставались жить в школе. На реке образовывался водопад, который шумел наподобие Ниагарского, шумели ручьи и ручейки, днём светило яркое солнце, ночью немножко подмораживало, но шум вешних вод не прекращался. Из-за распутицы становились не проездными дороги.

Таких вёсен давно уже не бывает из-за малоснежья, задымлённости и загрязнённости атмосферы и т. п. Сейчас по вёснам долго лежит и не тает утоптаннный грязный снег. Бывают, конечно, и лужи, и ручейки, но грязные, покрытые фиолетовым мазутом. Солнце пробивается еле-еле, душа не поёт от радости.

Лето. Деревенское лето. С купаньем, рыбалкой, ягодами, грибами, с посильной для детей огородной и домашней работой, с ребячьими шалостями и озорством. По вечерам на конном дворе ребятишкам давали лошадей, и мы верхом ехали в ночное.

Там – костёр, сказки, побасёнки, печёная картошка. Рядом пофыркивают стреноженные кони. Потом крепкий детский сон. И вот на рассвете тебя настойчиво трясут. Будят – пора ехать домой. Восходит огромное багрово-красное солнце, на траве крупная чистейшая роса. Прохладно. Влезаешь на лошадь, она плетётся домой, а ты сидишь на остром хребте, качаешься, как маятник – вперёд-назад. Лишь изредка с трудом откроешь глаза, чтобы увидеть и запомнить на всю жизнь эту Божью красоту. И опять засыпаешь.

По вечерам пригоняли стада коров с пастбы. Пастух шёл впереди стада, как командир роты на параде, через плечо волочился длиннущий кнут (мечта мальчишек). Бабы выходили из ворот, каждая брала свою корову, и начиналась дойка. Из всех дворов слышался характерный звук струй молока, льющегося в подойник.

Коров в селе было много, почти в каждом дворе, так что и стадо было не одно, а, вероятно, пять-шесть. Это я уже говорю о селе Лекареве, в котором мы жили в последние перед войной годы. Село было большое, около 500 дворов. Следовательно, было много и людей, и скота, и земли. Помню, по вечерам окончившие работу девки шли в сельский клуб. Шли рядами, в ногу, взявшись под руки, по несколько человек в ряд. И таких рядов было много. Шли и пели частушки, на довольно-таки примитивный мотив. Но тут уж ничего не поделаешь – такой мотив был принят.

Главную же особенность лета составляла работа, неизменно тяжёлая, отупляющая. Но об этом подробнее скажу ниже.

Ну, и, наконец, осень, моё любимое время года. Собран урожай, стоит бабье лето, летит паутина, на подоконниках созревают помидоры. На токах идёт молотба хлеба цепами, которые у нас назывались молотилами. На току становились в круг бабы и мужики и били этими молотилами по снопам, выколачивая из них зерна. Причём били не вразной, не как придётся, а ритмично, даже музыкально, и этих ритмов было отработано несколько – когда надоедал один, переходили на другой. Душа радовалась, когда слышалась такая музыка. Тут же, невдалеке, полученное при обмолоте зерно веяли при помощи обычных деревянных лопат – брали на лопату зерно из кучи и подбрасывали его вверх, ветром сорняки и шелуху выдувало. В этом и состояло провеивание. Это уж потом стали появляться веялки и молотилки.

Чем позднее осень, тем чище и прозрачнее и воздух, и вода в речке. Начинается период свадёб и проводов в армию «некрутов» – так назывались у нас в селе новобранцы, которых призывали в армию. Об этом следует рассказать поподробнее.

На службу в армии в те времена смотрели как-то по-иному, чем сейчас. Это была, действительно, почётная обязанность каждого гражданина, как и было записано в Конституции. Не было никаких попыток отлынивания, симуляции и т. п. Срок военной службы был большой – в сухопутных войсках три года, а на флоте даже пять лет. И вот поздней осенью, как правило, в самую грязь и слякоть, проходили проводы «некрутов». Провожали всем селом, с пьянкой и песнями. Хороших, сытых лошадей запрягали в хорошие тарантасы и рыдваны с хорошей сбруей. Иногда запрягались и тройкой. В гривы и хвосты вплетались ленты, сбруя увешивалась колокольчиками, шуркунчиками, вышитыми полотенцами обвязывались дуги, оглобли. «Некрут» с друзьями, обязательно с гармонистом, сидели в повозке, все пьяные, хорошо одетые, но ужасно заляпанные жидкой грязью (может быть, даже и нарочно), разъезжали по селу, пели песни, в основном, частушки, размахивали платками. Народ высыпал на улицы, махал руками – прощался. Новобранец выходил к народу, обнимался, целовался. Сам ритуал проводов получался каким-то значительным и даже героическим, пробуждал в душах людей нечто святое.

*Подхожу к родному дому,
Дом невесело стоит.
Собрана моя котомочка,
На лавочке лежит.*

Так провожали в армию и меня, но, правда, не осенью, а зимой 1943 года.

* * *

В тёмные морозные вечера поздней осени выйдешь на улицу — небо усыпано звёздами, Млечный Путь лентой опоясывает его. Тишина, только иногда залает где-то собака. А вдали два великолепных голоса, баритон и тенор, поют какую-нибудь местную песню, которую нигде больше не услышишь. И как поют... Боже мой! Сердце разрывается не только у тех, кто слышит, но, вероятно, и у самих певцов...

*Зелёная веточка,
Ты куда плывёшь?
Берегись, несчастная, —
В море спотонёшь.
Там тебе не справиться
С бурей, с волной...*
и т. д.

II

Вероятно, самим Богом предназначено русскому крестьянину много трудиться. В самом деле, разве можно сравнить условия жизни, саму сферу обитания людей, живущих где-нибудь в средней, а особенно в северной полосе России, с жизнью, скажем, в тропиках, вообще в южных странах. Там постоянно тепло, постоянно родит земля, плодоносят деревья, почти не нужны расходы на одежду, отопление. Даже практически можно обойтись без жилья, без выращивания скота на мясо — пойдти в лес, застрели носорога, и вся деревня обеспечена мясом. Нужны фрукты — поднимись с земли, нарви бананов и опять ложись.

А на Руси? Необходимо обязательно капитальное жильё, дом. Нужно топливо на всю длинную зиму, дрова нужно заготовить — спилить в лесу, привезти домой, распилить, расколоть, высушить и потом каждый день топить ими печь. Для жизни нужно держать скот, стало быть, необходимо иметь надворные постройки, заготовить уйму корма, ежедневно эту скотину кормить и поить. Главная же сельская работа — полеводство и огородничество. Огромные массивы земли нужно обработать: вспахать, проборонить, засеять-засадить, вырастить урожай, то есть периодически полоть, окупивать, поливать и т. д. Потом этот урожай собрать, обработать и сохранить. Из-за холодного климата необходимо иметь и летнюю, и зимнюю одежду. В общем, жизнь русского крестьянина — многотрудная, и испокон веков он трудился как вол — от рассвета до заката, и летом, и зимой, и весной, и осенью. Такая многотрудная жизнь порождала и своеобразный характер мужика; он делался довольно упрямым, неразговорчивым, несколько замкнутым, постоянно озабоченным. Даже внешность крестьян становилась своеобразной: у мужчин появилась характерная сутулость, длинные, висящие, как плети, руки, довольно угрюмый взгляд; женщины к 40-45 годам становились изнурёнными, с почерневшими лицами, хронически уставшими и нравственно, и, особенно, физически. А если ещё учесть, что в период колхозного строя работали, в основном, «за палочки», то есть, по существу, за свой общественный труд

не получая ничего, то можно представить, как тяжела и беспросветна была жизнь до-военной деревни. Сейчас кажется невероятным и диким, что работали без выходных, без отпусков, без пенсий, рабочий день иногда доходил до 15-16 часов в сутки, и всё это бесплатно, и всё это — годами и даже десятилетиями. Ко всему этому надо сказать и о юридическом бесправии крестьян; у них не было паспортов, а следовательно, они не могли куда-либо уехать. Ну чем не крепостное право? А точнее — помесь крепостного права с рабством, потому что крепостные за свой труд получали хоть что-то. Это было невиданное во всем мире издевательство над миллионами людей.

И эта жизнь на глазах становилась всё хуже и хуже. В первые годы коллективизации в характере и психологии людей ещё оставались благородные человеческие черты, такие, например, как святое отношение к труду, к собственности и т. д. Со временем, в результате вопиющей обезлички и беззастенчивого грабежа, народ стал вынужден хитрить, симулировать, воровать. Вот эту разницу между началом 30-х годов и серединой 40-х необходимо различать и в моём рассказе. Я бы сказал о советском крестьянине так: чем раньше, тем добросовестнее он был, а чем позднее — тем жуликоватее. Но жуликоватее — не значит ленивее. Работали всё равно много. И если уж не за совесть, а за страх, так сказать, по нужде. А в войну — на обострённом чувстве патриотизма, невероятном энтузиазме и страхе...

* * *

Припоминается «мероприятие» по вручению колхозу так называемого «Акта на вечное пользование землёй». Мужики в это дело крепко поверили, даже торжественно поместили этот акт в коробку и ходили за село зарывать её в землю — на память потомкам. Об этом акте и об этом фарсе давно забыли, а своей земли у колхозников как не было, так до сих пор и нет.

* * *

Мои личные воспоминания о сельском труде связаны, в первую очередь, с работой на огороде. Огород был огромный, соток не менее тридцати, и засеивался обычно процентов на 90 картошкой. Для этого нужно было выпросить у председателя колхоза лошадь и произвести саму посадку (под плуг). Затем летом картофель не менее двух раз окучить тяпкой (по-нашему — мотыгой). Грядки с овощами систематически поливать (расстояние до речки метров 200). Кроме того, периодически полоть. Осенью — опять просить лошадь, чтобы выкопать картошку. Потом уложить картофель в подполье (это ведёр 200-250). В общем, работы на огороде хватало и отцу, и матери, и мне, начиная с 10-12-летнего возраста.

До сих пор помню этот процесс изнурительного труда: жарит летнее солнце, многие ребята — мои друзья или гуляют, или купаются в речке, а я с мотыгой в руках занимаюсь окучиванием. Ряды картошки длинные, метров по 100, вот и тюкаешь и считаешь в уме, сколько сделал и сколько ещё осталось. Бросить бы всё да в речку, к ребятам, в шум, гам и суету. Нельзя. И не потому, что боюсь наказания, а какое-то чувство, не то долга, не то совести, заставляет доделать работу если не до конца, то хотя бы до намеченного места. Ведь дома и кроме огородной полно работы, её тоже нужно кому-то выполнять.

Сейчас даже в уме не укладывается, как же это успевали всё делать. Скотину надо было накормить-напоить, а для этого правдами и неправдами необходимо было заготовить корм: картошку, сено, отруби и т. д. А сено, между прочим, косить можно

было только на неудобьях, в мочежинах, оврагах и т. д. Луговое сено шло только для общественного скота. Нужно было заготовить дрова, за ними съездить несколько раз на лошади в Корабельную рощу за шесть-семь км от дома. А лошадь предварительно нужно было «добывать». Привезённые дрова — пилить, колоть. А в печке они не горят — сырые. В хлевах периодически требовалось убирать навоз, менять подстилку. Корову каждый день два раза доить и т.д. и т.д. И не надо забывать, что в доме не было ни парового отопления, ни электричества, ни газа, ни водопровода, ни радио, ни телефона, ни ванны, ни душа, ни холодильника, ни пылесоса. Вдумайтесь в это! За водой для скотины и для хозяйственных нужд ходили на речку (200 метров), а за питьевой, «на чай» — думаю, не менее как за полкилометра, на колодец.

Помню, как мать стирала бельё: для этого нужно было с речки наносить воды, нагреть её в печке и в корыте перестирать целую кучу. Но самое страшное — полоскание этого белья на речке в проруби. Когда она возвращалась домой, её руки были сведены судорогой, совершенно не гнулись, и их приходилось оттирать спиртом. При этом она выла от боли.

И ведь вся эта адская работа была не главной, не основной, а как бы второстепенной, подсобной, потому что главная — это: для моих родителей — в школе, для крестьян — в поле, на фермах, для меня — учёба.

Крестьяне-колхозники просыпались чуть свет, успевали кое-что полить в своём огороде, позавтракать какой-нибудь бурдой вроде вчерашней салмы и бежать в поле, километра за два-три, а иногда и больше. Полевые работы — трудные и отупляющие: пахать, боронить, полоть, окучивать, жать и т. д. А дома брошены ребятишки одни. Они ползают, неухоженные, а зачастую голодные, по избе, по двору, дерутся, плачут, едят что ни попадя. Были и ясли, и детские садики, но их было мало, они были примитивны, и обитание в них мало отличалось от того, о котором я только что рассказывал. Возвращались с полей уже вечером, в оставшееся до темноты время успевали поужинать, покормить деток, кое-что поделывать на огороде, накормить-напоить скотину и часов в одиннадцать ложились спать, чтобы в три-четыре часа подняться снова.

* * *

Приблизительно в 15-16 лет меня назначили подручным к кузнецу Родиону Филипповичу Жабрикову. Это был интересный старик лет семидесяти, очень похожий на Карла Маркса из-за своих лохматых волос и бороды. Его кузница стояла на самом берегу речки, и занимались мы в основном натягиванием обручей (шин) на тележные колёса и свариванием тележных полуосей. По ходу работы он очень суетился, нервничал, покрикивал на меня: «Витька, раззява, давай бей молотом скорее, вишь, вся ось в окалине!» По ходу дела он всё время мурлыкал какую-то странную песенку: «Король, король, коробочка, коробочка, король». И всё, больше никаких слов, только эти.

Перед свариванием полуоси раскалялись в горне добела, в это время на них надо было посыпать песку и уж потом сваривать, то есть, соединяя раскалённые концы, бить по ним молотом. Однажды впопыхах Родион вместо песка почему-то бросил в огонь свой кiset с табаком. Вот уж мне досталось на орехи...

С ним же мне довелось однажды поздней осенью в поисках корма для коровы сходить в наши луга, это километров семь от села. Трава была какая-то грубая, типа багульника, переросшая, покрытая от мороза куржаком. И ничего — косили её косой, набивали в мешки и везли на коляске домой.

Давно, давно нет уже на свете Родиона Филипповича, а я помню его, как живого. «Король, король, коробочка. Коробочка, король».

* * *

Какие поля у нас на Каме! Глазом не окинешь простирающиеся нивы пшеницы или ржи! Недаром великий Шишкин писал свою знаменитую «Рожь» именно в нашем, лекаревском поле. Что тут добавить? Можно часами смотреть на такое колышущееся и шумящее от лёгкого ветерка море. Сколько приходит шемящих душу мыслей и в то же время как легко становится на сердце при виде этой красоты. Невольно думаешь: как много здесь вложено человеческого труда, пота, даже слёз... Ведь, чтобы получить такое поле, нужно было его обработать, вспахать, проборонить, засеять.

Я помню ещё время, когда пахали сохой, сеяли вручную из лукошек, хлеб жали серпами, молотили цепами, веяли лопатой. Был свидетелем, когда в деревню пришёл первый трактор. Это был «Фордзон» с косыми плашками на колёсах. Мы, мальчишки, толпой бежали за ним в поле и всё любовались тем, как он пашет. Потом появились другие трактора: «Универсал», «Интер» и только значительно позднее — гусеничные: ЧТВ, СТО, ХТЗ. Потом стали появляться жнейки, которые все называли не иначе как «лобогрейками». Помню, как появилась жатка-сноповязалка. Смотреть на её работу ходила чуть ли не вся деревня...

Мне пришлось работать на лобогрейке летом 1942 года. Урожай в этот год был невиданный — рожь стояла высотой более двух метров, и косить её было очень трудно. Лобогрейку тянула пара лошадей, их погонял один работник. А второй сидел сзади и маленькими вальцами сбрасывал с платформы скошенную рожь. Но поскольку рожь была, как я уже сказал, очень сильная, да к тому же спутанная, кони тянули всего несколько метров, пила забивалась соломой, и приходилось её очищать. Потом опять продвижение метров на двадцать-двадцать пять, и снова остановка. А сзади идут бабы — вяжут снопы, так что долго-то стоять нельзя: давай, давай.

Работа на лобогрейке и сама по себе была трудной, даже если и пила не забивалась. Ведь представить только, что нужно весь рабочий день ритмично, без перерывов и передышек, сбрасывать тяжёлую, влажную солому с платформы. Задержки невозможны, спутывать солому нельзя, потому что из неё необходимо вязать снопы. В общем-то, получалась работа адова, к вечеру всё болело, в особенности руки и правый бок. А уж на следующее утро — и говорить нечего, а надо было снова садиться на этот агрегат и продолжать работу.

Бывали случаи, и довольно часто, когда выходила из строя какая-нибудь деталь. Хорошо, если удавалось починить самому прямо в поле, а то нужно было выпрягать одну лошадь и верхом ехать в село, в кузницу — ремонтироваться. Нет, не зря, не зря называли эту штуку лобогрейкой — лучше не придумаешь.

* * *

Самая же интересная, хотя и трудоёмкая, сельская работа — покос. Это можно назвать праздником труда. К нему готовятся заранее — готовят продукты, отбивают и точат косы (у нас они назывались литовки), даже подбирают соответствующую «полупраздничную» одежду. И вот в назначенный день, где-то в начале июля, колонна из двадцати-тридцати телег выезжает в луга, расположенные в пойме Камы. При помощи жребия луга делятся между бригадами, и начинается косьба. Косцы идут углом, как летают гуси или журавли. Впереди ставится самый опытный работник, он задаёт

ритм. Окосево (ширина захвата) должно быть порядочным, брать мало — стыдно. Самая лучшая работа — ранним утром, по росе. Приятная это картина — идут цепочкой, углом мужики и бабы, мерно машут литовками, и слышится характерный звук скашиваемой травы. Время от времени кто-то останавливается, вытирает косу травой и точит её специальным бруском — вжик, вжик, вжик — и опять за работу. Иногда среди дня вдруг выпадет внезапный дождик — все ему рады, потому что влажную траву косить легче, да и дышится после него лучше.

По мере достижения конца участка каждый кладёт свою косу на плечо и неторопливо, немножко враскорячку от усталости, идёт к его началу, чтобы начать новый ряд (окосево).

А кругом — благоухающая природа: озёра, заросшие камышом, осокой, белыми и жёлтыми кувшинками; кусты; всевозможные птички, бабочки, стрекозы, кузнечики. Скошенная трава издаёт ни с чем несравнимый аромат, от которого кружится голова. Каких только цветов нет в траве и как богат набор этих трав! Тут и дикий лук, и конский щавель и щавель обычный, и ромашки, и всевозможные колокольчики, метёлки, мышиный горошек, гвоздички. Из травы часто вылетают вспугнутые птички, попадают ужи, ящерицы. В озёрах много рыбы, уток и другой живности. А какие дивные, просто волшебные, в лугах рассветы! На память приходят стихи Никитина:

Звёзды меркнут и гаснут. В огне облака.

Белый пар по лугам расстилается.

По зеркальной воде, по кудрям лозняка

От зари алый свет разливается.

Удивительно точно и тонко передаётся в этих стихах вся Божья благодать природы!

На период работ из косцов выделяется бригада, которая бреднем ловит в озёрах рыбу. Её налавливают огромное количество, несколько вёдер золотистых карасей, зубастых щук, скользких линей. Варится всеобщая уха. К вечеру работа заканчивается и начинается самое интересное — ужин, а после него — отдых. Кто постарше — сидят, поют песни, беседуют. Молодёжь с гармошкой ходит из бригады в бригаду — насчёт девок. По реке иногда проходит пароход. Ночью он освещён огнями, звучит музыкой. А вокруг — божественный запах скошенной травы. Идиллию нарушают только комары. Их мириады, тучи, они пищат и здорово кусаются. А спрятаться от них можно только в сделанные из прутьев и сена шалашы. Но и туда они проникают. В общем, ночь проходит почти без сна, а ранним утром — снова за литовку. А правый бок от вчерашней работы страшно болит, как нарыв, и надо его как-то разрабатывать. Эта романтика очень тяжёлого труда западает в душу на всю жизнь как прекрасное, просто золотое время.

По окончании покоса все уезжают домой, а скошенная трава остаётся в валках на месте — для просушки. Её периодически ворошат (переворачивают) приезжающие для этого из села бабы. Беда, если в эти дни установится ненастье.

Спустя несколько дней новый выезд в луга, на этот раз — грести. Высохшую траву, то есть сено, сгребают граблями сначала в копны. Потом в землю вкапывают высокие деревянные шесты — «стожары», и вокруг них, из подвозимых копён сена «вьют» стога. Для ребят-мальчишек самая подходящая работа — подвозить копны. Ну, а взрослые длинными деревянными вилами с тремя рогами подают сено на верх стога укладчику. Это работа тяжёлая, в особенности, если дует ветер.

Ну а времяпрепровождения, отдых — такие же, как и при покосе.

Сейчас всё по-другому; косят сенокосилки, сгребают механические грабли, сено, в основном, не стогуется, а идёт под пресс или на сенаж, брикетируется.

Скажу честно: мне милее прежний производственный процесс, при нём проявлялась истинная любовь к природе, а точнее — рождался подлинный патриотизм, любовь к матери-Родине.

* * *

Скирдование хлеба — тоже серьёзная и ответственная работа.

С полей в определённое место свозятся снопы и укладываются в своеобразный стог, называемый скирдой. В этой скирде снопы лежат до тех пор, пока не придёт время их молотить. Может быть, даже и до зимы. Скирда огромна, и класть её нужно умело, иначе она может «поползти», и вся работа пойдёт насмарку. Уже в войну, когда в деревне мужиков почти не осталось, председатель колхоза Тютиков сказал мне: «Ты, Витя, помог бы в скирдовании. В качестве укладчика». Я ответил, что, боюсь, не сумею. «А ты не бойся, сумеешь, только будь аккуратней», — посоветовал он. Я уложил неплохую скирду, и она не поползла.

* * *

Расскажу о молотье на «сложной» молотилке. Это довольно большая машина, которую обслуживает много народу, вероятно, человек 10-15. Принцип её работы заключается в следующем. К молотилке подвозятся снопы, они по одному, из рук в руки, подаются наверх, на специальную платформу, где находится барабан, в который задавальщик по очереди отправляет каждый сноп. Задавальщик — главная фигура на всей молотилке: он должен у каждого снопа специальным (сломаным) серпом разрезать поясок, растрясти сноп и ловко подать в барабан, чтобы было и не очень «толсто», и не очень «тонко». Долго тут не проработаешь — немеют от напряжения руки, да и опасно — руку может затянуть в барабан.

Из одного отверстия-окошечка высыпается обмолоченное зерно, из другого — выходит полученная солома. Эту солому отвозят лошади с волокушами, а волокуша — это верёвка, которой подхватывается копна соломы и волочится к стогу. Работают на волокушах ребяташки лет двенадцати-четырнацати.

Особенно запомнилась мне молотья ночная — необычность обстановки придавала ей некоторую романтику. Молотилка гудит, работа идёт слаженно и споро. Никаких лишних разговоров, только слышны отдельные деловые возгласы и реплики. Примерно каждый час устраиваются перерывы — реже нельзя из-за большой физической нагрузки. Все ложатся: кто курит, кто дремлет, а молодёжь даже тут умудряется шутить и озоровать. Мне приходилось и на сложной молотилке работать в разных качествах, в том числе и задавальщиком, и эта работа оставила у меня самые приятные воспоминания. В ней особенно остро ощущается коллектив, твоя нужность и как бы незаменимость.

* * *

Как же оплачивался нелёгкий крестьянский труд? Скажу прямо — плоховато и даже очень. В первые после организации колхозов годы на трудодни кое-что давали, и давали, надо признать, неплохо. Бывали даже случаи, когда кто-то из колхозников отказывался от заработанного зерна и овощей. Им привозили домой, скажем, рожь, и, получив отказ, ссыпали её прямо на землю под окном.

Но год от года оплата на трудодни уменьшалась, и, в конце концов, платить на них вообще ничего не стали, а стали выдавать печёный хлеб: сначала по одному килограмму за трудодень, потом по 800 граммов, потом и вовсе по 200. А затем и эту плату прекратили. Люди стали работать «за палочки» — так стали называть трудодень. Теперь вся надежда была на личное подсобное хозяйство — в основном, на огород и на корову. Но вскоре стали и этот источник существования душить налогами. Поборы были установлены и с коровы, и с поросёнка, и с овцы — и деньгами, и так называемыми натуропоставками, то есть, молоком, маслом, яйцами, шерстью, шкурами и т. д. Додумались даже до того, что потребовали сдавать шкуры свиней: резал свинью, не сдал шкуру — под суд. В конце концов, установили налог даже с каждой яблони. Чтобы не платить налог, яблони стали безбожно вырубать, и великолепные сады вскоре пропали. Этому же способствовала невероятно морозная зима 1939-40 годов, когда яблони помёрзли. По причине уродливого налогообложения резко уменьшилось и поголовье личного скота.

Удивительно, как выживал народ в течение долгих лет этой обираловки. Всё спасение теперь было в воровстве, и оно расцвело пышным цветом. Стали воровать в колхозе и зерно, и всё, что плохо лежит, мотивируя это тем, что «всё вокруг колхозное, всё вокруг моё». Тогда правительство издало драконовский закон о привлечении к строжайшей уголовной ответственности за воровство сельскохозяйственных продуктов. Стали сажать в тюрьму за несколько килограммов украденного зерна, даже за стрижку колосков в поле, и не только взрослых, но и детей.

Страшно было время. Почти каждую весну народ встречал голодом, так как за зиму истощались скудные запасы продуктов питания. Многие шли в поле собирать прошлогоднюю невыкопанную картошку, каким-то образом добывали из неё крахмал и варили кисель, стряпали лепёшки. Они получались тёмно-фиолетового цвета. Собирали серёжки берёзы, сушили и толкли их, получали муку, из которой тоже делали лепёшки. Лебеда стала считаться чуть ли не нормальной едой. Были часты случаи массовых отравлений со смертельным исходом из-за употребления в пищу проросших прошлогодних зёрен. В такие периоды хоронили почти ежедневно и даже в день по несколько человек.

Народ зверел, дичал от голода. Я, например, сам видел, как одна молодая ещё мать, держа на руках двух малышек, гладила их по головкам и говорила ласково: «Вот бы было хорошо, если бы Ванюша умер, да и Миша бы тоже». И говорила это вполне серьёзно, искренне, по лицу было видно, что она действительно очень этих смертей желает, потому что уже измучена до предела.

Конечно, не всё население поголовно бедствовало, большая часть семей всё-таки жила более или менее сносно жизнью. Люди как-то выкручивались и даже не теряли бодрости духа — и влюблялись, и женились, и рожали детей, и гуляли, и выпивали, и шутили, и смеялись. Помню некоторые частушки тех времён:

*Всё по плану, всё по плану,
Срать велят по килограмму,
А дают по двести грамм —
Где же высрать килограмм?*

*Я в колхозе не была,
Сроду чаю не пила.
Как в колхоз вступила —
Самовар купила.*

И вот в условиях, описанных выше, внезапно началась война. И эти многожды оболваненные, обкраденные, всячески униженные люди, эти рабы подняли головы, расправили плечи и поднялись на защиту Отечества. Все поголовно, или пошли, или готовы были пойти проливать кровь, класть головы за свою «счастливую» жизнь, над которой нависла опасность. Помню, как красавец-тракторист Гриша, по прозвищу Урыныч, кося сажень в плечах, разъезжал по селу на своём тракторе, выделывая всевозможные повороты и пируэты. На тракторе — плакат: «На борьбу с Германией!»

Буквально за несколько дней село опустело: в армию забрали почти всех работоспособных мужиков, все трактора, единственную в селе грузовую автомашину, большое количество самых лучших лошадей, самые лучшие повозки. Все сельскохозяйственные работы теперь легли на плечи женщин, подростков и стариков. Оказалось, что жить можно ещё хуже, чем жили в мирное время. Теперь амбары и сусеки государством выметались буквально под метёлку, появились новые виды налогов и всевозможных сборов: госзаём, в фонд обороны, на авиационную эскадрилью, на танковую колонну, тёплые вещи для воюющих солдат и т. д. и т. п. И вот «активисты», такие как учителя, комсомольцы, приезжающие из района «уполномоченные», которых, кстати, и в мирное время было более чем достаточно, начали ходить по домам и уговаривать людей жертвовать буквально последнее, последний рубль, последние продукты, последние варевки и носки.

Усилился голод, многократно тяжелее стала работа, добавилось горе из-за погибающих и искалеченных на фронте родных. Но... народ всё равно не сломался, он продолжал и петь, и шутить, и смеяться. И свято верил в грядущую нашу победу.

В первые же месяцы войны прибыло много эвакуированных, которых народ называл «ковырянные». В 1942 году к нам в село приехала из Ленинграда целая школа-интернат. И всех их — и учеников, и учителей — как-то разместили, обустроили, дали возможность жить, учиться и работать.

* * *

Мои родители были сельскими учителями, и наша семья, хоть и испытывала иногда серьёзные материальные затруднения, но уж, во всяком случае, никогда не голодала. У нас был во временном пользовании огород, о чём я уже говорил выше, корова Аришка, несколько кур, иногда — поросёнок, а однажды — даже пара овец. Своего дома или квартиры у нас никогда не было, и это до самой смерти удручало отца. Жили в бесхозном крестьянском доме, который нам выделил колхоз и за который мы платили какую-то плату. Но по уровню материальной жизни наша семья была в селе, вероятно, где-то в первой десятке, во всяком случае, у нас был велосипед.

Для интереса расскажу, как мы питались. Ну, разумеется, у нас всегда в достатке были хлеб (его мы пекли сами) и картошка. Что касается мяса, то оно на столе было далеко не ежедневно, масло, яйца — тоже. Молоко было почти всегда, за исключением периода, когда корова была стельной. Этот безмолочный период продолжался, вероятно, два-три месяца. Такая же картина с яйцами — они были, пока неслись куры, а неслись они, думаю, месяцев шесть в году. Да не так уж много и несли. Сливочное масло периодически покупали у кого-либо из крестьян, своего масла не делали. Продавалось оно фунтами, таким кусочком в форме мяча для игры в регби. Хватало его семь на три-четыре дня, а потом — снова несколько дней, а то и недель без масла. В целях экономии сахара чай большей частью пили «вприкуску». Мясо тоже покупалось от случая к случаю, но бывали периоды и «весёлые» — когда резали поросёнка или подросших за лето молодых петухов. В летнее время было в избытке овощей, в

особенности огурцов и помидор. Часто ели рыбу, дары леса (грибы, ягоды). В общем, питалась наша семья, можно сказать, нормально, но, конечно, несравненно хуже, чем мы питаемся сейчас. А ведь мы, повторяю, были в материальном отношении где-то в числе наиболее обеспеченных в масштабах нашего села.

Должен сказать, что в рационе семьи абсолютно отсутствовали такие продукты, как колбаса, сыр, консервы, макароны, вермишель, рис, фасоль. Уже не говоря о таких вещах, как виноград, апельсины, другие цитрусовые (кроме лимонов, которые хоть и редко, но были), даже арбузы. Многие из этих вещей я, пожалуй, даже не видел до самого моего призыва в армию, а если и видел, то буквально один-два раза. Так, скажем, сыр приходилось пробовать в пароходном буфете, колбасу — во время поездки в Казань и т. д.

Любимым блюдом в наших местах были пельмени — и по праздникам, и по другим торжественным дням у кого была возможность, их всегда стряпали. В особенности массово их делали в какой-то осенний религиозный праздник. Тогда даже в школу многие ребяташки приходили с пельменями.

Ну, а основной продукт — картошка. В каких только видах её не ели, и пока она была — семья существовала нормально. Правда, если сидели на ней одной, то зачастую у маленьких детей развивался рахит: живот становился большим, а ножки — тоненькими и кривыми.

* * *

Плохо кормился и скот. Лошади были обобществлены, и в каждой бригаде, а их в колхозе было десять, имелся свой конный двор. В первые годы коллективизации каждый хозяин частенько прибежал, наблюдал «свою» лошадь, подкармливал её, смотрел, нет ли потёртостей и т. д. Со временем это прекратилось, и лошади стали хиреть, худеть, превращаться в кляч и одров. Кормов до весны не хватало, лошадей в стойлах подвязывали на верёвках, чтобы не падали. Навоз и жижу убирать не успевали, были случаи, когда в сильные морозы ноги животных вмерзали в эту грязь и ломались. Был большой падёж общественных лошадей, коров и особенно свиней.

Не лучше дело обстояло и с домашним скотом. Кормов тоже не хватало, и тогда на корм пускались соломенные крыши домов. Даже если солома была прошлогодняя, даже позапрошлогодняя, совершенно уж почерневшая. Эту солому рубили, парили, кто мог, подсыпал в неё отрубей, а то и просто так, и этой штукой кормили коров и другой скот. Крыши в шутку называли съёмными.

В то же время в селе было стадо коней, которые содержались в нормальных условиях. Это так называемый «фонд РКК (РКК — рабоче-крестьянская Красная Армия), то есть это были лошади, предназначенные для армии. Для них существовала отдельная конюшня, их нормально кормили, и они не работали. Сбруя — в порядке, чистота — образцовая. В таком же состоянии были и кони в пожарной команде. Хорошая конюшня — это сказка, это поэзия. Во всём порядок: в стойлах чисто, лошади вычесаны, сбруя — с иголки. Но главное — запах! Великолепный, невероятно приятный запах конского навоза, мочи, пота, кожи, смолы, сена и чего-то ещё, присущего только конюшне. Лошади стоят, лоснятся, хрюкают свой овёс. Тишина. Умиротворённость.

III

Каким бы не показалось это странным, но при такой вот невероятно трудной, можно сказать, невыносимой жизни, люди села умели и отдыхать. Да ещё как отды-

хать! Они смогли сохранить и приумножить вековые традиции села, религии в обычаях, ритуалах, песнях, фольклоре и т. д. Мне за свою жизнь удалось повидать немало различных проявлений народного, да и классического искусства. Но всё же основными учителями в этой области, которые сформировали культурную составляющую моего существа, мою подлинную русскость, стали не только Пушкин и Чайковский, но и лекаревские бабы, мужики, старики и старухи. Может быть, даже последние сыграли основную роль.

Натрудившись в полях и на фермах, трудовой народ вечером шёл домой, спешил ещё кое-что сделать по хозяйству, накормить и «образить» детей. И редко когда группа женщин шла без песен. И как хорошо пели! Задушевно, с разделениями на первые-вторые голоса и подголоски. Песня лилась над полями и чем больше крепла входила в силу, тем сильнее возвышалась душа, тем меньше чувствовалась безысходность и нужда:

*Вдоль по улочке, да по Шведской,
По слободушке, да немецкой.*

* * *

Молодёжь после ужина спешила «на лавочку». Почти на каждой улице было оборудовано специальное место — скамейка или просто бревно, где по вечерам собирались парни и девки. Сидели, лузгали семечки, пели частушки, плясали, дурачились. В общем, как сейчас говорят, общались. И это общение давало хорошие плоды — здесь зарождались знакомства, дружба, любовь и даже семьи. В сущности, здесь все друг друга знали, как облупленных. Не то что сейчас, когда добрая половина браков совершается случайно, после мимолётного, короткого по срокам знакомства. Поэтому эти браки быстро и распадаются. А в сёлах разводов практически не было.

Осенью и зимой в разных концах деревни проводились «вечёрки». Организаторами их были девки. Они договаривались с какой-нибудь одинокой старухой и «снимали» у неё на ночь избу. Каждая вносила по две-три ложки керосину для лампы, и на этом приготовления к «балу» заканчивались. С вечера в избе собирались девки и парни, садились на лавки вдоль стен и, собственно говоря, начиналось то же, что бывало летом на «лавочках». Пелись песни, лузгались семечки, играла гармошка или балалайка. Девки плясали так называемую «трясучку» — самый распространённый сельский танец, который ещё называли «в три ноги». Его можно было плясать и под собственное пенье, и это было даже интереснее:

*Пастух выйдет на лужок —
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играет,
Выговаривает.*

*Я за то люблю Ивана,
Что головушка кудрява,
Что головушка кудрява,
А бородушка кучерява.*

Подобных плясовых песен было много, и все они были хороши. А теперь, скорее всего, забыты. Парни курили, матерились, шлёпали девок по задницам, а те в ответ только благодарно ржали. «Бал» продолжался до трёх-четырёх часов ночи, так что некоторые периодически залезали на полаты, спали два-три часа и снова включались в празднество. Атмосфера в помещении была ужасная, зачастую даже лампа гасла от

недостатка кислорода. Пол сплошь был покрыт шелухой от семечек. Кроме табачного дыма, пахло овчиной, валенками, потом, дешёвым одеколоном. Вот такое было амбре.

Вечёрка в селе была не одна, а несколько, так что парни частенько переходили с одной на другую. Репертуар и режиссура были везде одни и те же. Были случаи выпивок, но немного и «не помногу», вероятно, из-за безденежья; случались драки, иногда с поножовщиной, в основном, из-за девок.

Была и разновидность вечёрок, когда девки собирались «прясть». «Приходите сегодня к Нюрке прясть». Девки приходили, приносили с собой прялки, садились на лавки и пряли из кудели пряжу. К ним заглядывали парни, но «мероприятие» проходило не так шумно, во всяком случае, без плясок. В основном, пели песни и болтали о чём придётся.

* * *

Особо надо рассказать о свадьбах.

О, это интересный и сложный ритуал, я его досконально не знаю, но кое-что помню и попытаюсь описать.

Ну-с, перво-наперво жених засылает к родителям невесты сватов, и происходит предварительная договорённость: «сговор» о свадьбе, о приданом, о том, где будут жить молодые и т. д. После этого собираются «запойки» — близкие к жениху и невесте люди выпивают, обсуждают детали предстоящей свадьбы.

Следующее мероприятие — «блины». На них происходит примерно то же, что и на сватовстве, и на запойках, но круг участников расширен, и из еды — одни блины. Интересная деталь: когда сидят за столом, то жирные от блинов руки вытирают о голову дружки. Он сидит довольный и безропотно подставляет голову очередному.

Ну, а дальше — венчанье (это когда работала церковь) и сама свадьба. Здесь так много деталей и такая сложная режиссура, что я боюсь ошибиться. Подругами невесты поются специальные свадебные песни, причём в определённой последовательности. Откуда они эти песни узнали, когда и где разучивали? Девчата все нарядные, услужливые, несколько опечаленные предстоящей разлукою с подругой-невестой. А она (невеста) сидит за столом с гостями, и её лицо закрыто большущей шалью, так, что чуть-чуть видны только нос и глаза. Это она изображает свою печаль по поводу ухода из родительского дома, считается, что она безутешно плачет.

Перед свадьбой жених подъезжает к дому невесты на тройке лошадей, украшенных лентами, полотенцами, бантами, бубенчиками, в сопровождении друзей, обязательно с гармонистом. Все нарядные, все под хмельком. С жениха собравшийся народ требует выкуп. Родители невесты подносят ему на подносе рюмку водки и лишь после этого впускают в дом. Больше он в течение всей свадьбы пить не имеет права, так же, как и невеста.

Родители благословляют молодых иконой, дают им в руки ручник-полотенце и с ним ведут за стол. Зевак — полная изба, даже во дворе и возле дома — толпа народу. Многие лезут к окнам — досмотреть, потому что в двери не пробьёшься. Хозяева периодически «подносят» этой публике водочки — пьют по очереди, из одной и той же стопки. Чтобы никто потом не мог сказать, что он был на свадьбе и ему там даже «не поднесли».

Свадьба продолжается иногда несколько дней, и каждый день — по особому сценарию. Молодых ежедневно катают по селу на лошадях, с песнями, с гармошкой.

* * *

Зимой, в сочельник, Рождество и святки, девки гадают. Почему-то это мероприятие проходит, в основном, в банях, при свечах. Участники гадания должны расстегнуть на своей одежде все пуговицы, развязать все завязки, быть внимательными и серьёзными, иначе может ничего не получиться.

Ребятишки ходят по домам «славить». В святки ходят ряженые. Правда, их «наряды» весьма примитивные. Это вывороченные наизнанку полушубки, сделанные из кудели бороды и усы. Вваливается такая компания на вечерку, пляшет, топочет, толкается, потом выскакивает на улицу, на мороз, и двигается на другую вечерку, и там повторяет свой репертуар. Основные участники, конечно, мальчишки и девчонки. Казалось бы, что может дать для души такое действо? Пожалуй, что ничего, кроме ощущения радости жизни, озорства, чувства товарищества и, как это ни странно, — чувства патриотизма. Кому что: кому Санта Клаус, богатый и нарядный, кому не менее помпезный Дед Мороз, а кому — описанный примитив.

* * *

Был в селе и клуб. Сначала в бывшей церкви, о которой я ещё скажу ниже, а потом в специально построенном деревянном доме. В церкви поступили так: сделали сцену, поставили штук двадцать скамеек и на этом переоборудование закончилось. Даже настенные фрески и вся роспись купола остались нетронутыми — так годами и проходили в клубе «мероприятия». Основным таким мероприятием была кинопередвижка. Кино привозили в село приблизительно раз в месяц, на лошади. Как сейчас помню — привезли новый, шумевший фильм «Чапаев». Дело было в весеннюю распутицу, в яркий солнечный день, когда блестели лужи и ручьи, чавкала растаявшая дорога. Киномеханик сидел на своих ящиках в телеге и играл на гармошке. На небольшой палке был укреплен красный флаг. Это происходило где-то в середине 30-х годов, когда кино было уже звуковым, и это новшество вызвало невероятно сильную реакцию у населения. А до этого было немое кино. Киномеханик показывал его по частям, между которыми были перерывы. Чтобы получить электричество, нужно было крутить вручную привинченную к скамейке динамо-машину. Делали так: хочешь посмотреть кино бесплатно — будешь крутить в течение части динамо. У всех желающих киномеханик отбирал шапки — открутил свою часть, получишь шапку.

* * *

Иногда приезжал и давал представления клоун не клоун, фокусник не фокусник — какой-то универсал. Он мог делать всё: плясать голыми ногами на битом стекле, съесть разбитое ламповое стекло, запивая его водой. У него на голове кололи топором дрова, разбивали молотом большущие камни; когда он лежал, ему на грудь клали ворота и на них становилось двадцать мужиков. Он же проводил сеансы гипноза, пел, плясал, играл на бутылках, наполненных водой. И он же, в загримированном виде, продавал на своё представление перед его началом билеты. Это был щуплый и измученный жизнью человек с характерным лицом бродячего провинциального артиста. Гримировался он под клоуна: лицо размалёвано белой и красной краской, нос, как помидор. Костюм — жёлто-коричневая блуза с жабо и такого же цвета широченные штаны. На голове — шапочка с помпоном, туфли тоже с помпонами. На сцене он кудахтал, топтался и пел по-петушину, растягивая в стороны штаны, и был очень

похож на эту птицу. Я до сих пор не могу понять, как это он мог в единственном числе давать целый концерт да ещё с такими сложными номерами?

* * *

А при школе работал кружок художественной самодеятельности. Руководили им мои родители, а участвовали учителя, сельский «актив», ученики старших классов. Ставили довольно сложные спектакли: Островского, Чехова, ещё чьи-то. Дело было поставлено довольно серьёзно, и спектакли получались очень неплохие. Особенно запомнилась работа по подготовке спектаклей: репетиции, изготовление костюмов, декораций, реквизита и т. п. Запах закулисья — грима, кремов, вазелина — я помню и сейчас. Участники не жалели на эту работу времени и относились к ней серьёзно и с большим чувством ответственности. Они тащили из своих домов предметы одежды, мебели, посуды, украшений — для использования в спектаклях. В день спектакля всё село гудело — готовилось, народ валил валом. Никаких билетов не было, представление проходило бесплатно. Тёмный и наивный зритель, узнавая в артистах своих знакомых, сначала гоготал, подавал им различные реплики, а потом, подавшись сюжету и игре артистов, визжал и плакал от переживаний.

Был в школе и хороший струнный оркестр. Им руководил прекрасный молодой человек, великолепный учитель, остряк и хохотун — интеллигент, мой кумир и любимец Николай Александрович Потягунин. Этот оркестр тоже давал концерты в клубе и тоже успешно.

Со спектаклями и концертами иногда выезжали (на лошадях) в соседние сёла. Было весело и радостно.

Впоследствии мне много приходилось видеть самодеятельных представлений, и, скажу честно, лучше наших, лекаревских, не видел почти никогда. Или это только кажется?

IV

Хочу несколько слов сказать о церкви.

Когда мы в 1933 году приехали в Лекарево, она ещё была в хорошем состоянии — исправной, ухоженной и чистой, но служба в ней уже не шла, и она была закрыта на замок. Помню, как мы, мальчишки, доставали через зарешёченные окна палкой с гвоздём на конце церковные книги, которые были свалены в кучу где-то в районе алтаря. По масштабам села наша церковь была очень хороша: хорошей архитектуры, с великолепными иконами на позолоченном иконостасе, фресками на стенах и росписью купола.

Стояла она на пригорке, так что была видна издалека, окружена хорошей, добротной оградой, кустарником, небольшими деревьями, а рядом, со стороны алтаря, росла огромная, пышная старая берёза. Приятно было ходить по церковной территории, по выложенным большими каменными плитами дорожкам, любоваться золочёными крестами на двух церковных маковках, рядами больших и малых колоколов на колокольне, читать надписи на могильных плитах.

И вдруг откуда-то поступило распоряжение — кресты и колокола с церкви снять. Делалось это варварски: колокола прямо с колокольни сбрасывали на землю и они при этом не только разбивались на куски сами, но и ломали стены и всевозможные архитектурные выступы на стенах и крыше. Кресты долгое время пилил пилой мужик, сидя верхом на луковке, но так и не смог допилить до конца. Тогда их зацепили

верёвками, снизу за верёвки взялись мужики и — раз-два, взяли! — сломали оба. Падая, кресты тоже обезобразили фасад. А кругом на это варварство глазело полно народу — давали советы, шутили, смеялись. Диву даёшься, как быстро и легко нашлись желающие поучаствовать в осуществлении этого кощунства. Только старухи по углам у себя дома молились, как перед концом света. Эти ортодоксальные христианки ну-тром чувствовали неестественность и греховность совершаемого акта.

Вскоре в церкви сделали клуб, о чём я уже писал, через несколько лет — хранилище для зерна, потом — склад сельскохозяйственной техники, в конце концов — склад горючего. Всё. В 70-х годах храм окончательно превратился в руины, так что едва ли возможно его восстановить — легче построить новый.

Территория вокруг церкви, изрытая тракторными гусеницами, превратилась в сплошную грязь, размешанную и залитую мазутом, автолом, керосином. От ограды не остаюсь и следа, от окружавших храм деревьев и кустарников — тоже. И стоят эти руины до сих пор, наводя на жителей если не ужас, то тоску. Никакие новостройки, никакие новшества в селе не будут теперь радовать глаз, пока этот олицетворённый позор «красуется» на своём месте.

Ещё раз хочу сказать о великолепной росписи стен и купола храма. Это была работа не какого-то доморощенного богомаза-самоучки, а наверняка большого мастера, может быть, даже знаменитого художника. Не известно также, куда пропали десятки, а может быть и сотни икон, среди которых наверняка были уникальные. Скорее всего, их изрубили и сожгли. Так разделались с «опиумом для народа».

* * *

1937 год. Как-то незаметно вдруг стало обычным делом по утрам недосчитываться некоторых жителей села. Кто-то по ночам за ними приезжал, забирал и увозил в районный отдел НКВД. Иногда, очень редко, некоторые из них возвращались, при этом загадочно молчали, ходили как в воду опущенные. А чаще всего люди пропадали бесследно и навсегда. Появилось словечко, вернее, два словечка — «враг народа». У людей возникла подозрительность, недоверие друг к другу. Поползли слухи, вошли в моду доносы, наветы. И пошло, и поехало. Каким бы это сегодня ни казалось диким, но тогда люди верили этой ерунде, удивлялись только тому, как ловко маскировался тот или иной «враг народа», как умело он втирался в доверие к окружающим.

А незадолго до этого в село приехали на постоянное жительство новички — жена Бакина и её муж Епифанов. Она какими-то судьбами стала председателем сельсовета, а он был просто на подхвате, ходил в военной форме, ничего не делая, и лишь рассказывал селянам, как он когда-то был лётчиком. Так вот, теперь точно известно, что людей арестовывали и уничтожали по доносам этой самой сексотки Бакиной, будь она трижды проклята. И куда она потом делась — неизвестно.

Моих родителей эта волна репрессий почти не коснулась, но отец, конечно, изрядно переживал. Ведь его отец, а стало быть, мой дед, был священником, а значит, персоною нон грата, субъектом особого интереса героев-чекистов.

Был такой случай. В школу приехал для проведения проверки инспектор РОНО по фамилии Кадергулов. Поскольку в селе никакой гостиницы не было, и ночевать этому инспектору было негде, отец пригласил его переночевать у нас. А через некоторое время Кадергулов оказался «врагом народа». По этой причине отца несколько раз вызывали в ГПУ, на допросы.

Причины арестов иногда были до нелепости просты: то подозреваемый спел какую-нибудь частушку (чаще всего нецензурную), то рассказал политический анек-

дот. А то был виноват в том, что эти анекдоты и частушки слушал и не донёс «куда следует».

Помню, дед рассказывал, как следователь всё подбивал его кого-то оклеветать, давал прозрачные советы и т. д. Тогда дед сказал: «Как же я могу утверждать, что у Вас на лбу рога, если это не рога, а роговые очки». И следователь отстал.

Вспоминается и период так называемого «раскулачивания». Это конец 20-х — начало 30-х годов. Кое-что я помню, а именно торги, продажу отобранного при раскулачивании имущества. Его раскладывали прямо на улице села: сундуки, перины, подушки, тулупы, полушубки, сарафаны, предметы домашней утвари, конской сбруи. Хозяева стояли поблизости и в голос плакали.

Как правило, «кулаков» вместе с семьями после ограбления отправляли на вечное поселение в Сибирь. И они были рады, что так легко отделались. А вина их чаще всего состояла в том, что они имели вместо одной лошади или коровы две или три.

А каким невероятным трудом, какой жесточайшей экономией досталась эта лишняя лошадь или корова, никем не учитывалось — голытьба злорадствовала и ликовала.

* * *

В селе была семилетняя школа. Стояла она в центре села, в долине, и была деревянной, под железной крышей. Территория школы была обнесена забором из штакетника и по всему периметру обсажена тополями. Кроме основного школьного здания были и надворные постройки: домик директора, квартиры уборщиц, сарай и сарайчики, конюшня для школьной лошади по кличке Скворчик. Внутри школьного здания было приблизительно восемь-десять классных комнат, длинный коридор, учительская. В другом месте села у школы было ещё два небольших здания. Условия для осуществления учебного процесса были, конечно, тяжёлые: печное отопление, освещение керосиновыми лампами, недостаток в учебных пособиях, учебниках, даже в обычных тетрадях. Был даже период, когда вместо тетрадей пользовались старыми газетами. Но, несмотря на это, школа работала хорошо — давала ученикам неплохие знания и осуществляла нормальный воспитательный процесс. Так получилось, что подобрался хороший коллектив учителей, подлинных энтузиастов и подвижников. Почти каждый из них был личностью в самом высоком смысле этого слова, и сейчас, через 50-60 лет, передо мной стоят как живые эти святые люди: Иван Григорьевич и Анна Николаевна Заморевы, Михаил Алексеевич и Ксения Фёдоровна Лавровы, Николай Александрович Потягунин, Павел Николаевич Алексеев, Александр Дмитриевич Ванюшин и многие другие.

Хорошо была организована не только учёба, но и, в особенности, внешкольная работа, поэтому дети не спешили после уроков сразу же бежать домой, как это делается сейчас, а старались пробыть в школе как можно дольше, потому что интересно было находиться в коллективе. Ведь дома многих ждала нужда, темнота, беспросветность, холод в избе, и в этой же избе зачастую телёнок, ягнёнок, поросёнок. В школе было уютнее и интереснее. Ребята с увлечением занимались в кружках: литературном, драматическом, шахматном, хоровом, струнном и других. Это отчасти объясняется, вероятно, и тем, что тогда учащиеся не были обременены такими техническими средствами, как радио, телевидение, кино и т. д.

В особенности коллективизм проявлялся при подготовке к каким-либо праздникам, например — к встрече Нового года. Все были заняты: сами делали игрушки для ёлки, подарки учителям и друг другу (хотя и примитивные), рисовали пригласитель-

ные билеты и программы праздничного вечера. Даже сами вручную стригли ножницами из раскрашенных старых газет конфетти, потому что настоящих конфетти вообще в продаже не было, а дети даже не знали, что это такое. Благодаря разыгравшейся фантазии и бурной инициативе, ёлка получалась великолепной — с яркими выступлениями, всевозможными сюрпризами, с выдумкой, с музыкой, танцами, песнями, стихами, играми. Не беда, что большинство игрушек были самодельными, даже наоборот — они получались необычными и оригинальными и вызывали у всех интерес. От таких праздников ученики получали хороший заряд радости и оптимизма.

Мне не забыть, как я и мои друзья — Вася Кузнецов, Миша Егоров, Павел Васильев, другие ребята — длинными осенними и зимними вечерами приходили в школу, выпрашивали себе лампу, шли в какой-нибудь пустой класс и часами по очереди вслух читали какую-нибудь увлекательную книгу. В частности, так читали только что вышедшую «Как закалялась сталь», произведения Гоголя, «Запорожец Подкова» и другие.

Когда лампу добыть не удавалось, сидели в классе в темноте и беседовали обо всём на свете: о гражданской войне, о чертах и ведьмах, о дружбе, о любви, о сексе, о «врагах народа» и т. д. и т. д. Строили предположения — кто кем будет, когда повзрослеет, и захочет ли потом признавать своих старых друзей.

Вот прошло 60 лет. Мы пока, слава Богу, живы и по-прежнему дружны и хоть редко, но встречаемся. При этом, как самое золотое время своей жизни, вспоминаем эти свои разговоры в тёмном классе деревенской школы, когда вся наша жизнь была впереди и казалась бесконечной.

Сейчас приходится только удивляться — как на всё хватало времени. Я уже указывал на кучу всевозможной работы дома, а к этому ещё надо добавить учёбу, клуб, самодеятельность, вечёрки, чтение, комсомольские дела, дружбу с девушками... Но основным делом всё же была учёба, и учились мы неплохо. И вроде бы не очень уставали, и всё делали с интересом, с огоньком.

Лекаревская частушка:
*Не о том я плачу-вою,
 Что чужая сторона,
 А о том я плачу-вою —
 Прошла молодость моя.*

* * *

Несколько слов об одежде. Все — и стар, и млад, и мужчины, и женщины — в обязательном порядке ходили с покрытыми головами: мужчины летом в фуражке (картузе), зимой — в шапке, женщины летом в платке («фатке»), зимой — в шали.

Как сейчас вижу: по улице навстречу друг другу идут два мужика. Поравнявшись, обязательно и тот, и другой снимали фуражки, причём делалось это довольно живописно, со своеобразным жестом рукой. Где-то в середине 30-х годов из города стала проникать мода — ходить по улице с непокрытой головой. Я одним из первых на селе осмелился на такой шаг — ходил, как по углям, чувствовал себя как без штанов, было стыдно, тем более, что я был рыжий. Мужики показывали пальцами и качали головами с укоризной.

Но я отвлёкся. Продолжаю об одежде. Ну, разумеется, мужчины носили рубашку, брюки, пиджак, зимний пиджак (пальто), а чаще всего — полушубок. Зимой обувь были валенки, летом — лапти. Женщины ходили в кофте, юбке, пальто в виде пиджака, которое называлось манарка; на ногах зимой валенки, летом — лапти. Чулки

во все времена года у них были шерстяные (в том числе и в летнюю жару), без чулок женщины не ходили никогда. Самой популярной обувью были, конечно же, лапти, потому что они были наиболее доступны (их плели, в основном, сами, да и стоили они дёшево) и удобны в носке. Многие их носили даже зимой. Ну, разумеется, у зажиточных людей в ходу были и сапоги, и ботинки, и валенки-чёсанки с галошами. Но всё-таки это была обувь как бы парадная, а не повседневная. В большой моде были галоши, особенно у женщин. Их носили просто на чулок, вместо лаптей. Зимой, когда ехали куда-нибудь в дорогу, то поверх обычной одежды надевали бараний тулуп, или зипун, или чапан.

Морозным до звона зимним днём хорошо ехать на лошадке в санях-розвальнях, закутавшись в тулуп. От него пахнет овчиной, пылью, какой-то псинкой, в общем — домом, теплом, уютом. Тишина. Монотонность. Только поскрипывают полозья, иногда фыркает лошадь, где-то вдалеке зазвонит встречный колокольчик. А ты мечтаешь, в голову приходят всевозможные аналогии, отрывки песен, стихов:

*Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...*

Только вёрсты полосаты попадаютя одне...

Женщины никогда не носили никаких брюк или штанов, разве что при зимних работах на морозе, например, при поездках в лес за дровами — и то украдкой, чтобы не видели люди.

В моде у мужчин были рубашки-косоворотки, носили их с шёлковым кручёным пояском. Носить рубашку навыпуск, не подпоясавшись, как носят сейчас, считалось неприличным. У женщин — кофты с узкими рукавами, а на плечах пышные. Юбки — широкие в складку, а с середины 30-х годов вдруг стали узкие, в обтяжку, как мешки. Из тканей самыми популярными были ситец, сатин и домотканое суровое полотно (портяная ткань). Купить одежду в сельском магазине было почти невозможно, разве что «на шерсть» да «на яйца». На этот счёт была даже шутка, из-за которой мужик Кормилай попал в тюрьму. Ну, правда, не навечно — через некоторое время вернулся. Покупали, как правило, отрез (и опять же с большим трудом), а потом шили сами. По домам ходил свой доморощенный портной со своей швейной машиной и всех обшивал. Пока он шил, семья его поила и кормила, а по окончании работы — платила деньги.

Надо сказать, что в праздничные и торжественные дни из сундуков и кладовок всё же доставались хоть и старые, но очень неплохие вещи: платья, сарафаны, плисовые и бархатные жакеты, женские сапожки с двумя ушками, шали, полушалки, мужские шубы-борчатки и т. п. В общем, было на что посмотреть.

* * *

Перехожу к трудной, но важной теме — к языку. Обойти эту тему никак нельзя, поскольку в наших краях язык был очень красочен и колоритен. Надо сказать, что свои диалекты, особенности разговорной речи бывают в каждой местности и даже в каждом селе. Так, у нас, например, было много слов, которых обычный русский человек вообще не знал. Например, тряпка называлась рямушкой, женское пальто — манаркой, приспособление для плетения лаптей — коточик, бить — бучить, ударить — бузнуть, платок — фатка, нить — вяньгать, издеваться — диковаться.

В разговорной речи применялось много старых, полузабытых слов: баский — красивый, баять — говорить, восетта — недавно, на днях, пошто — зачем, почему, здынна — ерунда, нонсенс.

Многие слова были исковерканы: «гумага», «он меня изменил», «ковда», «ада, а то уду», «неколи», «разболокайся», «естоль», «ись», «пра», «напомочь», «долго ли нет ли», «потяпор».

На язык местных русских оказывал немалое влияние язык татарский, в ходу были такие слова, как «айда» (пойдём), «башка» (голова), «ашать» (есть, кушать), «салма» (лапша) и другие. На лексикон сельчан влиял также и язык наших соседей: удмуртов, марийцев, мордвы. Например, пелись частушки, которые никто не мог перевести на русский и смысл которых неизвестен.

*Зильбар, зильбар зилляся,
Зильбарбашен илляся,
Синдугашен балалары,
Икебу арасын да.*

*Неужели тон пурычвол,
Юбо бордыч пырчечкот,
Неужели тон тугане,
Туа монэ люкичкот.*

*Сербиянка, сербиянка,
Сербияночка моя.
Киша иш таным бариа,
Хады рыш таным кая.*

В общем-то, язык отличался оригинальностью, определённой певучестью, какой-то старой русскостью. Для интереса попробую первую пришедшую в голову фразу сказать по-лекаревски:

«Я недавно встретила Авдотью. У неё очень красивый платок. Я ей говорю: «Когда же ты его купила? Почему мне не показывала?». А она говорит: «Разве это платок? Это же тряпка».

«Я восетта встрела Авдотью. У неё фатка, баска ли нет ли. Я баю: «Ковда же ты её купила? Пошто мне не показала?» А она бает: «Разе ж это фатка? Это же рёмушка».

Здесь же хочу сказать и о прозвищах. Они были очень распространены — до такой степени, что иногда не знали ни фамилии, ни имени человека, а звали его лишь по прозвищу. Прозвища отличались оригинальностью и остроумием. Попытаюсь вспомнить некоторые из них:

Андрей Толкушка
Матвей СССР
Фома Гощай
Андрей Бутырка
Степан Барнаул
Павел Потяпор
Колька Пола
Костя — лепёшки
Андрей Барма
Васька Голец

Андрей Утлый

Ваня Идол

Константин Симпантический

Моё прозвище было — Шкет (в смысле, «шкилет» — из-за моей худобы).

У брата Евгения — Буратино (по той же причине).

Интересно, что прозвища были не только у детей, но и у взрослых — приклеивались к человеку на всю жизнь, а зачастую переходили к детям.

Между прочим, я уверен, что, например, истинного значения слова «утлый» в селе никто не знал. А вот прозвище такое было.

* * *

Эти прозвища, мелкие обиды и ссоры не влияли на взаимоотношения между людьми. Они, эти взаимоотношения, были, в основном, хорошими и добрыми, основанными на христианских постулатах. Когда кто-то оказывался в беде — вся деревня спешила на помощь или, как у нас говорили, — «напомочь». Особенно ярко это проявлялось в отношении погорельцев. И моральный облик людей был высок, несмотря на их вопиющую темноту. В подавляющем большинстве случаев молодые девчата свято, я бы сказал, железно хранили свою девичью честь, почти не было разводов. По отношению к женщинам лёгкого поведения применялся простой, но очень жестокий метод воспитания: у них ночью мазали смолой ворота. Это был страшный позор для всей семьи, вся деревня об этом судачила несколько дней. Конечно, бывали случаи, когда эта кара оказывалась несправедливой, не без этого. Но... лес рубят — щепки летят.

Коля, Коля, Николай,

Коля-Николашка,

Ты меня не обмани,

Как Параньку Яшка.

V

Во всех сельских домах было много тараканов. Стоило заглянуть в какую-либо щель рядом с печкой или под шесток, чтобы увидеть эти полчища: сидят, шевелят усами и потихоньку как бы шуршат. У самок сзади висит такое яйцо, в котором, вероятно, помещается будущее потомство. Борьба с этими насекомыми проводилась одним по-настоящему эффективным методом: когда на улице стояли трескучие морозы, семья уходила на пару дней к соседям, а в своём доме открывала настежь окна и двери, и тараканы вымерзали.

* * *

В целях экономии керосина, а также из чувства романтики в домах было принято по вечерам не зажигать огня — «сумерничать». На дворе непогода, воеет ветер, а дома тепло, горит раскалённая докрасна железная печка, семья разместилась на лавках вдоль стен, на полатах, на печке. Беседуют о том, о сём, планируют, как жить дальше, — что в первую очередь сделать, к кому и зачем сходить, что купить. Беседа плывёт неторопливо, спокойно, в полусонной дреме. Кто-нибудь из ребят принесёт семечек, насыплет на раскалённую печку, желающие начинают грызть. Можно поджарить и

горох — тоже вкусно. Можно — нарезанную кругляками картошку, а ещё лучше — испечь её в горячей золе. Иногда такое сумерничанье продолжается часов до девяти. Потом зажигают лампу, ужинают, пьют чай. И пора спать ложиться — до утра.

* * *

В летнюю уборочную страду весь воздух пропитан жаром и запахом зерна, потому что зерно повсюду — в полях, на токах, в амбарах, на открытых площадках, на телегах подвод, даже в церкви. В особенности аромат зерна ощущается к вечеру, к концу работы. Он как бы волнами поднимается от раскалённой земли.

Казалось бы, о какой нужде может идти речь — вон, сколько хлеба, целые горы. На самом же деле он в основной своей массе подлежит вывозу, сдаче государству. Обозы с нагруженными телегами ежедневно отправляются в город, люди едут безропотно, даже весело, как на праздник, иногда с флагами, плакатами, транспарантами. Никому и в голову не приходит, что это грабёж. И так годами, десятилетиями.

* * *

Опишу среднюю крестьянскую избу, точнее — дом, поместье.

Открывая ворота, попадаешь во двор. Он, как правило, ухожен, подметён, так что чувствуется хозяйская «справность»: дрова — в поленице, навоз — в определённом месте, а не разбросан, где попало, инвентарь, сбруя — тоже. Входим на крыльцо, с него попадаем в сени. Из сеней ведут две двери: одна в кладовку (клеть), вторая — в избу. В этой избе большое место занимает русская печь — с лежанкой, с «печурками» для сушки варежек и носков. На самой печи можно спать. В переднем углу комнаты — образа, иконы. Они стоят на полке, называемой божницей. Это — место хранения всевозможных ценных бумаг, документов, денег. Перед образами висит лампадка. Под иконами — стол, как правило, без скатерти или клеёнки, а просто чисто выскобленный ножом. Над столом висит керосиновая лампа. При входе — большая самодельная деревянная кровать, покрытая пёстрым лоскутным одеялом. К потолку привязана детская люлька, в некоторых избах стоит домашний ткацкий станок. Пол чистый, не крашенный, тоже, как и стол, выскоблен косарём до желтизны. Стены оклеены газетами, реже — обоями, а чаще всего — просто бревенчатые. Где-нибудь на видном месте висит большая застеклённая рама с фотографиями родных и близких. Особое место среди фотографий занимают солдаты-красноармейцы, в руках — шашки наголо. Вдоль стен — широкие лавки. Около печи отгорожена небольшая кухня. В доме, как правило, имеется кошка, иногда — собака (обязательно во дворе), в холодную погоду бывают и ягнята, и козлята, а иногда и телёнок. Вот и всё.

В этой избе и гостиная, и столовая, и спальня для всей семьи. Забыл ещё сказать, что на окнах почти всегда стоят горшки с цветами (герань, «ванька-мокрый»). По праздникам полы застилаются самоткаными половиками из разноцветных лоскутков и тряпок.

В таких избах есть своеобразный уют, этакий русский шарм. Даже запахи специфические — свежеепечённого хлеба, подметённого полынным веником пола, сырмятной овчины и т. д., которые можно коротко, но ёмко определить знаменитыми словами: «Там русский дух, там Русью пахнет».

Когда семья садится за стол, перед каждым лежит деревянная ложка и толстый ломоть хлеба. Тарелок нет. На середину стола ставится большая плошка со щами или кашей, и все едят из неё. При этом нужно строго соблюдать существующие веками

правила: зачерпнул ложкой суп, отправил его в рот, а ложку после этого обязательно положи на стол. Пережди, прожуй, откуси хлеба и только после этого бери свою ложку, черпай суп. Неси его в рот. Ложку — на стол. Не будешь соблюдать этот порядок — будут считать тебя обжорой («он ест без передышки»).

Когда съели щи, миска со стола убирается, кладётся деревянная дощечка, на ней — мясо. Глава семьи его разрывает на кусочки, стучит ложкой по столу — можно мясо есть, но опять же не торопясь, а степенно, с таким видом, будто ты и есть-то вовсе не хочешь, а просто поддерживаешь компанию. После еды хозяин сгребает со стола хлебные крошки себе в ладонь и отправляет их в рот. Этим демонстрируется уважение к хлебу.

Почему-то сейчас представляю себе за этот трапезой отца моего друга Васи Кузнецова, Александра Герасимовича по прозвищу Соломон. Седой, как лунь, подстриженный «под горшок» старик, крутой, прижимистый, хозяйственный. Он очень любил рассказывать один и тот же анекдот; как поспорили русский поп и татарский мулла — кто быстрее пробежит расстояние. Поп побежал, а борода и волосы цепляются за кусты, мешают. Мулла побежал и, поскольку у него и голова, и борода обриты, — прибежал первым. Вот и всё. Я слышал от Александра Герасимовича этот анекдот только раз. Он очень его любил, от души, хоть и сдержанно над ним смеялся. А других анекдотов, вероятно, просто не знал да и не хотел больше знать, вполне достаточно было одного.

Однажды он спросил меня: «Али правда бают, что вот люди песни поют, а им за это ишо и деньги платят?» (имея в виду профессиональных певцов-артистов). Он считал, что пение — это отдых, удовольствие, делается это для души. Но чтобы за это получать деньги?.. Он бы меньше удивился, если бы платил певец.

В селе было много и бедняцких домов, вызывавших чувство жалости и сострадания. Стоит такая халупа, покосившаяся, одним углом вросшая в землю, так что крыша касается земли, с маленькими, едва пропускающими свет двумя окошками. Крыша взъерошилась от полусгнившей соломы, во дворе жижа из грязи, перемешанной с навозом, пройти можно только по брошенным в эту жижу камням и дощечкам. А бывает, что никакого двора вообще нет: стоит эта халабуда торчком, кругом заросшая бурьяном, лебедой и полынью, загаженная дерьмом.

Надо честно сказать, что нужников в деревне было мало, ходили по нужде или в хлев, или «на зады» дома, где начинался огород. В избе — темнота, теснота, смрад, грязь. Из мебели — один стол да какая-нибудь табуретка. Печка дымит, греет плохо, хозяйева круглые сутки в зимней одежде. Здесь же телёнок или ещё какая-нибудь скотина. А запах! Чем только тут не пахнет; вот уж действительно — несравненно хуже, чем в конюшне. И так прозябают годами, зачастую всю жизнь. Точно так же, вероятно, жили бедняки-крестьяне и сто, и двести лет тому назад, ещё при крепостном праве. Те же лапти и онучи, рубаха и штаны из холстины, еда-тюря из хлеба и кваса.

Часто вспоминается один житель села — молодой парень Васька Голец. Чудак, шутник, юморист, «душа общества» и на вечерке, и на лавочке, и в клубе. Особенно потешно он плясал. Надо было видеть, какие колена он выделявал. Получалось что-то вроде кавказской лезгинки, татарской апипы и русской барыни одновременно. При этом особенно характерно было его лицо: серьёзное, даже строгое, с отрешённым, бесстрастным взглядом. Зрители покатывались со смеху, наблюдая этот танец. Помню, моя мать как-то спросила его: «Вася, ты, наверное, счастливый человек?» — «Я? Я светло-зажиточный», — ответил тот.

В селе было три брата Бородины: Иван, Александр и мой сверстник Константин. Они были очень похожи друг на друга, все боевые и видные. Старший Иван (Лепёш-

ка) какое-то время был даже председателем колхоза, т.е. «шишкой». Саша и Костя с войны не вернулись. С Иваном произошёл такой случай: он дезертировал с фронта, тайком вернулся домой и жил тайно то в бане, то в чулане, то на чердаке. Приехала из района милиция и вместе с председателем сельсовета Василием Архиповичем Никитиным пошли в дом к Бородиным — искать Ивана. Рассказывает Вася Никитин: «Обошли мы всё подворье, заглянули на сеновал, в хлева, в баню. Потом вошли в дом. Я зашёл на кухню, подошёл к печи, открыл заслонку, а он — там... Лежит, смотрит на меня с мольбой. Закрыл я заслонку и говорю вслух: «Нет его тут. Не такой он дурак, чтобы дома скрываться. Ему прямой расчёт прийти с повинной — тогда его простят. А так если найдут — расстреляют». На другой же день Иван явился в военкомат и покаялся. Вскоре опять был отправлен на фронт, уцелел, дождался конца войны и вернулся домой. Жив и сейчас.

* * *

Начало 30-х годов. На бревне сидят мужики, беседуют, курят. Вокруг бегают дети, в том числе и я. Речь идёт о высоком — о Боге, о церкви, о Святом писании. Один из собеседников говорит: «Слышь, я ить читал свято то писанье, прочитал. Тама написано — придёт время, вся земля опутатца железной паутиной, будут летать железны птицы, бегать железны кони. Люди разделятца, и будет война, страшна ли, нет ли! Будут летать огненны шары и всех убивать и всё сжигать. И, почитай, все люди погибнут. А победят неверные».

В каком писании прочитал это старик — неизвестно. Но похоже, что его предсказание сбывается.

* * *

Была в Лекареве одна семья с такой же фамилией — Лекаревы. Их дом стоял на самой окраине села, как бы на отшибе — в низине, на берегу речки. А противоположный берег — крутой, горой поднимается над домом. Всё поместье окружено, как стеной, высокими тополями и ивами. Этот дом и это место, да и сама семья, были окружены ореолом загадочности и таинственности. О хозяине этого дома по селу ходила легенда. Но что-то в этой легенде, вероятно, было и правдой.

Говорили, что этот Демид Лекарев был вором высокого класса — воровал с помощью гипноза. Подъезжал, например, на лошадях к какому-нибудь амбару, беседовал несколько минут со сторожем. Тот отпирал замки и двери, и после этого воры беспрепятственно грузили, что им было нужно, в частности, мешки с мукой, и уезжали. Через некоторое время сторож приходил в себя, но было уже поздно. Сельчане долго терпели этого человека, несколько раз предупреждали, и в конце концов устроили самосуд и решили его убить. Били на льду замёрзшей речки всем селом, а он только стоял и посмеивался — ничего его не брало. Вдруг кто-то принёс железный курок от телеги с двумя ушками. Увидел это Лекарев и заплакал: «Ну вот, теперь пришёл мой конец». И его этим курком убили.

И осталось у него две дочери — Оля и Валя. Старшая, Ольга, работала в нашей школе учительницей, а Валя была моей ровесницей, ученицей этой же школы. И она была первой моей любовью. Я хорошо помню, как мы в компании других ребят бежали с ней по вечеркам, валялись в сугробах, заглядывали в окна. Как я писал ей письма, получал письма от неё, дарил какие-то ленты. Как первый раз поцеловал. Как не спал ночами, думая о ней. И продолжаю это долго.

Летом 1938 года вдруг пришло горе — семья Лекаревых уезжала навсегда на Урал. Как им это удалось — не знаю. Может быть, даже не добровольно. Но помню нашу последнюю, прощальную встречу. Мы всю ночь просидели с Валею на горе над её домом. Наши сердца разрывались от горя. Мы клялись друг другу в вечной любви. Вот и рассвет наступил, и соловьи запели снова после небольшого перерыва, и пастух стал собирать своё стадо. Пришёл конец нашему счастью. И мы расстались навек.

Что может быть трогательнее, романтичнее, чем первая любовь? Прошло более полувека с этой поры, а я до сих пор её вспоминаю. И чем старше становлюсь, тем вспоминаю чаще и всё с большей грустью.

Как же после таких воспоминаний я могу не любить Лекарево! Именно село, именно Лекарево, и сделало меня тем, кто я есть. А другим быть не хочу. Да и поздно уже.

ОТ РЕДАКЦИИ. *Эти воспоминания написаны в начале девяностых годов минувшего столетия. Сведения о самом авторе, Викторе Михайловиче Лаврове, которого уже нет в живых, читатель найдёт в конце номера, в разделе «Наши авторы»*

